

Мягкий волосок, упав, коснулся щеки Фэйфэя, отчего малышу стало щекотно. Он потянулся рукой и сжал волосок в кулачке.

Линь Сынянь, переживая за Фэйфэя, спал очень чутко. Когда утром окончательно рассвело, он открыл глаза и первым делом прикоснулся ко лбу сына. Не горячий. К счастью, температура больше не поднималась.

Линь Сынянь с облегчением вздохнул и, стараясь не разбудить спящего малыша, встал и вышел из комнаты. Нужно было дать Фэйфэю лекарство, оставленное доктором Ваном, а на голодный желудок принимать его вредно. Линь Сынянь пошёл на кухню посмотреть, нет ли чего-нибудь, чем можно было бы перекусить проснувшемуся малышу.

Когда Линь Сынянь вернулся в комнату с подносом, он увидел, что малыш уже проснулся. Тот сидел, скрестив ножки, маленький и сосредоточенный, и что-то рассматривал в своих руках. Он не шумел и не капризничал, выглядя на удивление послушным.

— Что там смотрит Фэйфэй? — Линь Сынянь поставил поднос на прикроватный столик. Он смутно видел, как из кулачка малыша пробивается серебристое сияние.

— Волосочек, — Фэйфэй сложил ладошки вместе и протянул отцу лёгкий, пушистый волосок.

Линь Сынянь наклонился и внимательно, без тени притворства, рассмотрел его.

Через мгновение он решил, что волосок в руках Фэйфэя похож на шерсть лисы или кролика. Неизвестно, где малыш его оторвал, но, скорее всего, с пальто или сумки Ян Юйин.

Ян Юйин не носила натуральный мех, но у неё было несколько пальто из искусственного. Они с Линь Гошэном так баловали Фэйфэя, что не то что один волосок — если бы малышу вздумалось порезать на кусочки все эти пальто, Ян Юйин не стала бы возражать.

Более того, она, вероятно, сама взялась бы за ножницы, опасаясь, как бы малыш не поранился.

Впрочем, Линь Сынянь и сам был не лучше.

— Какой красивый волосочек. Где ты его нашёл, Фэйфэй? На нём будто серебро блестит. У Фэйфэя отличный вкус.

Услышав это, малыш наклонил голову, задумался, а затем протянул волосок Линь Сыняню.

— Папе.

Линь Сынянь удивлённо вскинул бровь.

— Правда папе?

Фэйфэй ещё настойчивее протянул руку.

— Папа, носи.

Шерсть Фэйфэя, наравне с пером с шеи Алой птицы, светом из глаз Дракона-свечи, желудочным мешком Таоте, облаком из-под лап Байцзэ, клыком из пасти Белого тигра, рогом Цзяо, панцирем Сюанью, слезой русалки и хвостом девятихвостой лисицы, входила в десятку величайших сокровищ Мира гор и морей.

Перо с шеи Алой птицы даровало неуязвимость к любому огню.

Свет из глаз Дракона-свечи приносил свет с открытием глаз и тьму — с их закрытием.

Желудочный мешок Таоте мог вместить в себя всё сущее.

Облако из-под лап Байцзэ предвещало рождение мудреца.

Клык из пасти Белого тигра был прочнейшим в мире. Часто люди пытались ударить им о панцирь Сюанью.

Рог Цзяо даровал владение магией и способность слышать всё в мире.

Панцирь Сюанью был крепчайшим в мире, его не мог пробить даже клык Белого тигра.

Слеза русалки даровала неуязвимость к любой воде.

Хвост девятихвостой лисицы наделял даром очарования.

А шерсть Фэйфэя даровала безмятежность и вечную радость.

Для мифических зверей все эти части тела были возобновляемыми и не угрожали их жизни, хотя и требовали затрат сил для восстановления.

Шерсть Фэйфэя была не просто волосом, а сгустком и концентрацией его силы. Её действие было схоже с конфетами и яблоками, которые Фэйфэй давал раньше, но гораздо более быстрым и явным.

Если бы вчера на Линь Сыняне был этот волосок, то, даже если бы смерть Лань Синцзэ и тронула его, он бы точно не поддался депрессии и не оказался на грани самоубийства.

Болезнь не подчиняется воле человека, и психологические заболевания — не исключение. Тем более в этом мире, где они считались практически неизлечимыми.

У Линь Сыняня были причины жить, и он инстинктивно сопротивлялся, боролся. Он никогда не думал, никогда не хотел бросить Фэйфэя, бросить семью и эгоистично умереть.

В отличие от Лань Синцзэ, чьё сердце опустело и для кого смерть стала избавлением, Линь Сынянь хотел жить.

В этом была и заслуга Фэйфэя, который день за днём был рядом и подкармливал его. Иначе, при той тяжести состояния Линь Сыняня, он, возможно, не дотянул бы до этого дня.

Возможно, состояние Линь Сыняня наконец-то по-настоящему встряхнуло Фэйфэя, и он, сам того не осознавая, вложил большую часть своих сил в создание этого серебряного волоска. И захотел подарить его Линь Сыняню.

Шерсть Фэйфэя действовала только в том случае, если была подарена добровольно. Насильно отнятая, она приносила несчастье.

Линь Сынянь больше не стал отказываться от доброго намерения малыша. Он осторожно взял волосок из его рук и с улыбкой сказал:

— Хорошо, папа наденет его попозже. А Фэйфэй сейчас почистит зубки, перекусит, а потом выпьет лекарство.

Ни один ребёнок в мире не радуется, когда слышит слово «лекарство», и Фэйфэй не был исключением.

«Почему, как только я подарил папе подарок, он сразу заставляет меня пить лекарство?»

Но малыш, похоже, понимал, что в этом вопросе ни Линь Сынянь, ни кто-либо другой из семьи не пойдёт на уступки. Поэтому, хоть и с неохотой, он под пристальным взглядом отца медленно съел завтрак.

Через сорок минут после завтрака он выпил лекарство, оставленное доктором Ваном.

Случай с Лань Синцзэ дал Линь Сыняню повод взять отпуск. Сейчас компания была полностью поглощена урегулированием этого инцидента, и до него никому не было дела. А когда в компании вспомнят о нём и начнут торопить с возвращением к работе, Линь Сынянь как раз сможет поручить юристам корпорации «Линь» переговорить со «Звёздными развлечениями» об изменении контракта.

Но хотя Линь Сынянь теперь был свободен, Линь Цзинли, управляющий огромной компанией, был занят, как и Линь Хань, который каждое утро уходил в школу и возвращался только к вечеру. Ужин стал единственным временем, когда вся семья могла собраться вместе.

Линь Цзинли сидел за обеденным столом и смотрел, как Линь Сынянь, спустившийся к ужину, щеголяет в рубашке с V-образным вырезом, на шее у него красуется ожерелье, украшенное у основания белым пухом.

Заметив взгляд Линь Цзинли, Линь Сынянь сделал вид, что невзначай хвастается:

— Это мне Фэйфэй утром подарил. По-моему, выглядит неплохо, вот и сделал ожерелье.

— О, — Линь Цзинли внешне остался невозмутим, но в глубине души мрачно подумал: «Не стоило вчера, боясь напугать Фэйфэя, давать ему мазь от синяков и отёков. Если бы он сегодня щеголял с распухшим и синим лицом, посмотрел бы я, вышел бы он из комнаты или нет».

За весь ужин все, кто сначала не заметил, благодаря ненавязчивым намёкам Линь Сыняня, обратили внимание на ожерелье на его шее.

После ужина Фэйфэй радостно сел на ковёр и вместе с вернувшимся из школы Линь Ханем начал строить из кубиков. Ян Юйин, расстроенная хвастовством Линь Сыняня, с шумом отставила палочки и, поднявшись наверх, ушла в свою комнату.

То, что пришло в голову Линь Сыняню, пришло в голову и ей. Ожерелье Линь Сыняня было украшено серебристым пухом, и у Ян Юйин как раз было пальто похожего цвета.

Вернувшись в комнату, Ян Юйин достала из шкафа то самое пальто, но, возможно, из-за самовнушения, ей показалось, что мех на её пальто, не подаренный внуком, выглядит не так красиво и естественно, как на ожерелье Линь Сыняня.

Совсем не то.

В конце концов, Ян Юйин уныло убрала пальто обратно.

В тот вечер Фэйфэй получил от дедушки, бабушки, брата и дяди множество явных и неявных намёков на то, что они хотят такого же отношения, как и к Линь Сыняню.

Наконец, поняв намёки этих незрелых взрослых, которые стеснялись попросить прямо, малыш развёл руками и, сжав и разжав кулачки, сказал:

— Больше нет. Был только один. Фэйфэй проснулся и нашёл его в руке. Фэйфэй его подобрал.

Фэйфэй не был тем ребёнком, который тайком отрывает мех с бабушкиной одежды. Он правда его нашёл!

Выражение лица малыша было очень серьёзным.

В итоге Линь Сынянь обнаружил, что все его рубашки с низким вырезом исчезли. Не то чтобы они пропали за одну ночь, просто после стирки они больше не возвращались!

Затем прачечная сообщила ему, что у них появился новый сотрудник, который, не разобравшись с тканью, испортил всю партию одежды Линь Сыняня.

Линь Сынянь: «...Один раз — я бы не винил. Но портить вещи раз за разом и не учиться на ошибках... вы меня за дурака держите?»

В конце концов, Линь Цзинли, узнав об этом, прислал Линь Сыняню новую одежду. Сплошь водолазки.

Линь Цзинли!

Теперь стало совершенно очевидно, кто был закулисным кукловодом.

***

Линь Гошэн отставил чашку и объявил семье:

— Завтра приедут старший брат и Гохун.

Линь Сынянь нахмурился.

— Я слышал несколько дней назад, что у дяди не всё в порядке со здоровьем. Уже поправился?

Линь Гошэн, сделав глоток чая, покачал головой.

— Не поправился, потому и едет.

Линь Гошэн понимал, что его старший брат, скорее всего, хотел перед смертью ещё раз взглянуть на Старый особняк семьи Линь.

В поколении Линь Гошэна было три брата: старший — Линь Госюн, средний — Линь Гошэн, и младший — Линь Гохун.

Все трое были родными братьями. То, что власть в корпорации «Линь» перешла к среднему брату, Линь Гошэну, было решением их отца, который перед смертью вверил ему управление в трудный час.

В то время из трёх братьев старший, Линь Госюн, был слишком прямолинеен и негибким, но не умел быть гибким. А как известно, то, что не гнётся, легко ломается.

Младший же, Линь Гохун, был, наоборот, слишком мягким и изворотливым, и в решающий момент не смог бы проявить должной жёсткости.

Только средний, Линь Гошэн, сочетал в себе мягкость и твёрдость. Когда нужно было быть твёрдым, он становился твёрже всех, и даже пистолет у виска не мог его запугать. Но когда нужно было уступить, он умел склонить голову. Он мог действовать открыто и честно, но при необходимости не брезговал и сомнительными методами.

Только такой человек мог спасти семью Линь, находившуюся на грани разорения.

Поэтому после смерти отца Линь Гошэн стал главой семьи, унаследовав и семейное дело, и этот Старый особняк семьи Линь.

Три брата разделили имущество. Пережив самые трудные времена, старший и младший братья отправились строить свою жизнь и покинули Старый особняк семьи Линь.

И вот теперь старший брат захотел вернуться. Линь Гошэн боялся, что это было предсмертное желание.

Хотя в молодости между братьями и были разногласия из-за раздела имущества, они всё же были одной крови, и все эти годы поддерживали друг друга.

Линь Гошэн покачал головой, отгоняя грустные мысли, и повернулся к Фэйфэю, который сидел на диване и смотрел мультики.

— Фэйфэй ещё не видел старшего и младшего дедушек, да?

— Старшего и младшего дедушек? — Фэйфэй посмотрел на Линь Гошэна, не сразу поняв. У него же только один дедушка?

Линь Гошэн терпеливо объяснил:

— Старший дедушка — это брат твоего дедушки, а младший дедушка — это тоже брат твоего дедушки. Завтра ты их увидишь. Они наверняка тоже полюбят Фэйфэя. Поговоришь завтра со старшим дедушкой, хорошо?

Люди в возрасте, оказавшись в знакомых местах, неизбежно поддаются воспоминаниям. Линь Гошэн, судя по себе, был уверен, что его братья не смогут не полюбить такого милого малыша.

— Хорошо, — кивнул Фэйфэй. — Фэйфэй завтра поговорит со старшим дедушкой.

<http://bllate.org/book/13654/1586299>